

КОГНИТИВНЫЕ ИСТОКИ “МАГИЧЕСКОГО РЕНЕССАНСА”

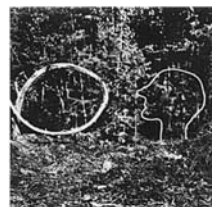
© 2009

А.А. Пелипенко, В.М. Хачатурян

На рубеже 60–70-х годов прошлого столетия обозначились первые признаки “магического ренессанса”, а в начале XXI в. он уже превратился в одну из главных особенностей “нового культурного пространства”: неслучайно общество постмодернити все чаще характеризуют как “пространство неоархаики”. И традиционные ссылки на устойчивость “пережитков”, на всплески иррационализма в переходные и кризисные эпохи и т.п. мало помогают объяснить этот феномен. Тем более, что ярче всего “магический ренессанс” проявляется как раз в самых процветающих и благополучных странах, уже вступивших в стадию постиндустриализма, и воскрешение древних магических практик сегодня активно имитируют массы людей со вполне техницистски-сциентистским и в значительной мере секуляризованным сознанием. Практика эта давно вышла за пределы отдельных субкультур и не только захватила массовую культуру, сформировав “рынок спиритуальных услуг”, но даже затронула науку. По крайней мере, в психологии/психиатрии некоторые магические техники сегодня успешно используются в практических целях.

Впрочем, совпадение “магического ренессанса” с нынешним этапом развития науки кажется парадоксальным лишь на первый взгляд. Как раз новейшие достижения естественных наук (прежде всего физики и биологии) во многом и подготовили базу для решительного пересмотра традиционной механистической ньютоновско-картезианской картины мира и методологии научного познания. А в этом контексте стало кардинально меняться и отношение к дорациональным и внерациональным способам познания мира (впрочем, магия может быть отлучена от рациональности лишь при очень узком ее понимании). В этом же контексте постулировали и возможность рационально осмыслить опыт внерационального, и необходимость наладить конструктивный диалог современного рационального сознания с дорациональными и внерациональными его формами, и известную ограниченность классического типа рациональности, который релевантен лишь в рамках познания «стационарного бытия, его свойств, структур и законов, некоего законченного, сформированного “положения дел”, внешнего по отношению к субъекту»¹.

Однако новаторская и, вероятно, перспективная задача конструктивной работы “в пространстве коммуникации различных познавательных позиций”² пока, к сожалению, остается декларацией. И это выглядит вполне понятным, если учесть принципиальную инаковость “других” способов познания, лишь отчасти поддающихся рационализации. “Диалог”

ОТКУДА И КУДА

Пелипенко

Андрей

Анатольевич — доктор философских наук. Постоянный автор журнала.

Хачатурян

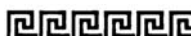
Валерия

Марленовна —

зав. Центром теории и сравнительной истории цивилизации Института всеобщей истории РАН. Постоянный автор журнала.

¹ Швырев В.С. Особенности современного типа рациональности // Актуальные проблемы философии науки. М., 2007. С. 52.

² Там же. С. 53.

ОТКУДА И КУДА

вряд ли может состояться, если не уяснить суть и специфику дорационального и внерационального опыта и не понять хотя бы приблизительно механизмы его действия и, что еще важнее, — границы, в которых эти механизмы могут срабатывать.

Все это заставляет по-новому взглянуть на давний вопрос о роли магии в культуре и в жизни современного человека. И не только современного: ведь неуклонный и, казалось бы, вполне закономерный процесс угасания магии — наследия первобытной культуры — периодически прерывался на протяжении всей истории цивилизации, в том числе и в Западной Европе, где с XII–XIII вв. отношение к магии было особенно непримиримым.

* * *

Магическое познание, безусловно, значительно отличается от рационально-логического, и осуществляется оно в особом режиме работы психики. Примечательно, что уже в глубокой древности магическое предзнание/ощущение достигалось лишь в измененных состояниях сознания (ИСС), вызывающих редукцию и “архаизацию” сознания (точнее, его рационально-логической формы). Уже в самых архаических культурах разрабатывались разнообразные изоэтранные техники индуцирования ИСС: очевидно, что даже на той ступени уже требовались определенные усилия, чтобы достичь необходимой редукции сознания.

То состояние сознания, в котором осуществляется магическая деятельность, можно, разумеется, реконструировать лишь гипотетически. Допустимо предположить, что это должна быть достаточно глубокая степень регрессии, при которой индивид максимально приближен к пренатальному (в онтогенезе) или докультурному (в филогенезе) непротиворечиво-континуальному состоянию. Вместе с тем погруженность в это состояние не должна быть настолько полной, чтобы в последующем приводить к амнезии и полной утрате своего “Я”, т.е. к утрате возможности волеизъявления и целеполагания. Магическое состояние сознания существенно отличается и от состояния одержимости, и от мистического экстаза, направленного на полное слияние с трансцендентным. Это подтверждается проведенным Р. Уолшем сравнительным анализом ИСС в шаманизме (относящемся, безусловно, к магической практике), в буддийской випассане и в йоге³. Шаман вынужден балансировать на грани между полной утратой сознания и выходом из такого состояния, которое позволяет ощущать мир магически — с его скрытыми, недоступными рационально-расчленяющему мышлению природными связями, отношениями и законами.

Что же представляет собой магическое ощущение мира? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к базовым культурно-когнитивным основаниям магии, тесно связанным с генезисом культуры и сознания как такового.

* * *

Магия в ее изначальных формах — не просто одна из культурных практик, существующая наряду с другими. Все первичные культурные практики были всецело магичны, поскольку генезис репрезентируемых в них первосмыслов протекал в режиме восприятия и переживания реальности, почти не сопоставимом с современным. И прежде всего это касалось основополагающих измерений реальности — времени и пространства. Иначе говоря, когнитивные процедуры формирующегося сознания протекали в совершенно иных, нежели современные, параметрах пространственно-временного континуума.

³ Уолш Р. Дух шаманизма. М., 1996.

Попытаемся хотя бы приблизительно описать эту сложнейшую, почти невыразимую языковыми средствами ситуацию. Здесь придется отрешиться от привычной ньютоновско-картезианской картины мира и обратиться к космологическим концепциям, разрабатываемым в современной физике. Речь идет о теории бутстрапа Дж. Чу, продолжением которой стала концепция имплицитности (непроявленности, вложенности) Д. Бомма, давшая основу знаменитому образу “голографической Вселенной”. В соответствии с этими теориями, “Вселенная представляет собой неразрывное целое, все части которого переплетены и слиты друг с другом, и ни одна не является более фундаментальной, чем другие, так что свойства одной части определяются свойствами всех остальных частей”⁴. Иными словами, реальность предстает как бесконечная, многомерная, стереометрическая сеть/паутина когерентных связей, т.е. вневременной акаузальной взаимосогласованности, корреспонденции, вещей и явлений. Такой тип связи можно определить как их со-пробывание и со-осуществление в точках, разнесенных в пространстве и времени.

При подобном подходе причинно-следственная связь выступает в качестве лишь одного из модусов реальности: явления и события связаны между собой не отношениями “вследствие того, что...”, но предсуществующим во вневременном измерении скрытым когерентным порядком (порядком взаимной согласованности). В рамках такого порядка все неисчислимо множество потенциальных возможностей пребывает в непроявленном, “свернутом” виде, а актуализируется в каждом конкретном случае какой-то из бесконечного множества предустановленных законных вариантов осуществления⁵.

Таким образом, причинно-следственные связи представляют собой лишь *внутренний момент* некоего набора вариантов предустановленной природной когеренции, которые существуют синхронно и эксплицируются (о-внешняются) лишь в связи с тем или иным внешним событием, действием или явлением, когда в акаузальное и атемпоральное событие “вклинивается” фактор временной длительности. Этот фактор как бы растягивает, расплюсчивает ситуацию изнутри, создавая между адресатами когеренции дополнительные развилки потенциальных возможностей и вариантов — но опять же в рамках биологического закона. В поведенческом аспекте этот закон представлен инстинктом.

Дети априорно видят мир в координатах когерентных связей и лишь постепенно в процессе инкультурации “разбавляют” картину каузальностью, противостоящей когерентности в том же смысле, в каком миф противостоит опыту. Детская фраза о том, что “ветер дует, потому, что деревья качаются” — это не просто наивное превращение причинно-следственной связи. Это воспоминание о “знакомом от рождения” когерентном характере связи явлений, искаженное навязанной извне каузальностью. Но данное противопоставление ни в коем случае не следует трактовать в духе вульгарной антиномичности: природное — чистая когерентность; культура — столь же чистая каузальность. Культура не размежевывается с природой, а прорастая внутри нее, постепенно вбирает ее. Таким же образом следует понимать сложную и всякий раз специфичную диалектику и конфигурацию отношений когерентного и каузального, не имеющую раз и навсегда данность формулы.

Как бы ни растягивалась во времени наличная процессуальность когерентных отношений, она в любом случае не выходит за рамки некоего фрагмента — того, который “реализует” предустановленный природный порядок в данном пространственно-временном локусе и до которого может “дотянуться” дорациональное сознание (его аналогом у современного человека выступает интуиция). При этом сознание охватывает отнюдь

⁴ Капра Ф. Дао физики. М., 2008. С. 342.

⁵ Авторы отдают себе отчет в сложности предлагаемого изложения и в недостаточной его ясности для читателя, не знакомого с современными физическими концепциями. Однако вряд ли возможно более вразумительно объяснить эти сложнейшие концепции в рамках журнальной статьи, к тому же лишь косвенно связанной с данной тематикой. Мы можем только отослать читателя к уже цитированной книге “Дао физики”, где все эти вопросы разъясняются достаточно подробно и при этом вполне понятно для гуманитария.

ОТКУДА И КУДА

не всю полноту связей в этом фрагменте, а лишь определенный их тип, определенную модальность. Такой фрагмент, а точнее, структурный locus когерентных зависимостей, не знающих субординации части и целого, мы условно назовем фракталом когерентных связей, или, для краткости, просто фракталом — с оговоркой, что данное употребление термина лишь отчасти согласуется с общепринятым.

Понимаемый таким образом фрактал можно сравнить с густой многомерной паутиной, где изменения в какой-либо точке тотчас же отражаются на общей конфигурации. Причем конфигурация эта имеет еще и временное измерение. Но не в смысле эмпирической длительности процессов, а в смысле совмещенности во времени всех возможных альтернативных процессов, изменений и событий. Фракталы, связанные когерентной связью, встраиваются один в другой, упрощенно говоря, “по принципу матрешки”, восходя от микро- к макроуровням системной организации природы.

В мире когерентных связей (если, разумеется, смотреть на него с позиций наших обычных установок) реальность дана в двух модусах: реализованных и нереализованных возможностей. Но эксплицитовать этот дуализм и, соответственно, дуализировать реальность на имманентную и трансцендентную, здешнюю и запредельную и т.д. и т.п. можно лишь в пространстве становящегося культурного сознания. Что и начинается с ранним культурогенезом.

Постепенно каузальные связи “высвобождаются” из оболочки когерентности, ломают фрактал изнутри и разворачивают свое собственное пространство в форме протокультурных хронотопов. Это уже онтологически иная модальность пространственно-временных связей. Но здесь, опять же, нет и не может быть никаких четких границ! Изначально каузальность проявляется точно, обрывочно, бессистемно, крайне заторможено в историческом измерении и, разумеется, совершенно неосознано. Более того, какой-то сектор психики (его обычно связывают с интуицией) так и остается неизменно погруженным в когерентный паттерн. Видимо, нет нужды пояснять на многочисленных примерах обратную зависимость между развитием рационально-логических дискурсов (каузальность) и магико-интуитивной сенситивностью (когерентность). Отметим лишь, что магическая стратегия освоения мира, основанная на использовании “прямой” когерентной связи между агентами воздействия, из-за этой обратной зависимости исторически противостоит своей альтернативе — стратегии цивилизационной, основанной на технологическом опосредовании этой связи с помощью линейно-каузальной темпоральной процессуальности.

Чем сложнее психическая организация живого существа, чем сложнее его видовой код, тем больше появляется точек ветвления между “контрольными точками” (адресатами) когерентной структуры. Увеличение числа таких пунктов развилки в поведении и есть, собственно говоря, причина сбоев в инстинктивном поведении и появления зачатков субъектного поведения у животных.

Разбалансировку когерентных отношений и развитие имплицитной каузальности можно проиллюстрировать на простейшем примере. Чередование сезонов хотя и происходит во времени, но вовсе не имеет внутренних точек дополнительной вариативности (“ветвления”), которые расшатывали бы императивность когерентных связей. Весна наступает потому что должна наступить в любом случае. Т.е. она уже есть, уже существует, просто пребывает не в одном хронотопе с фиксирующим этот факт условным “зимним” наблюдателем: не здесь и не теперь. Весна может быть ранней или поздней, холодной или теплой, но ее не может не

быть вообще. А вот с лягушкой, ловящей языком муху, дело обстоит уже сложнее. Если муха пролетит по немного иной траектории, лягушка может ее и не поймать. И тогда можно, со всеми, разумеется, оговорками, сказать, что в зоре между стандартным набором возможных реализаций какого-то общего случая и отклонениями от этого набора в частных случаях — зарождается и начинает разворачиваться пространство причинно-следственных зависимостей.

Таким образом, сфера магии, по определению, лишь частично вписана в культуру. Ее суть двойственна, амбивалентна, обращена и к культуре, и к природе: с одной стороны, в природном мире магии как таковой быть не может: она невозможна без культуры и человека, обладающего сознанием и в какой-то мере дистанцированного от природы.

С другой стороны, магия слишком тесно связана с погружением в докультурное состояние, с выходом из культуры (без этого она, собственно, перестает быть магией и сводится к бессмысленному воспроизведению традиционных магических приемов). Можно сказать, что, с когнитивной точки зрения, магия пытается восстановить природный, по своей сути, способ контакта с миром, вынужденно используя для этого культурные средства. Возможно, именно эту “антикультурную” основу магии — ее ориентацию на погружение в поток природной жизни имел в виду Дж. Фрэйзер, когда писал: “Проникнув в глубины магии, беспристрастный наблюдатель увидел бы в ней не что иное, как постоянную угрозу цивилизации. Мы, как видно, движемся по тонкой корке, которая может в любой момент треснуть под воздействием дремлющих подземных сил”⁶. Эта особенность решающим образом повлияла на всю историю магии.

В архаических обществах охотников-собирателей двойственность магии проявлялась в наименьшей степени. Находясь в неразрывном синкретическом единстве с мифом и ритуалом, магия была стержнем самой ранней социокультурной системы в истории, пронизывая все сферы деятельности (от хозяйственной до лечебной). Она была основным способом познания мира и конструирования отношений с ним и, соответственно, основным способом реализации главной стратегии обществ, нацеленных на максимальную интеграцию с естественной средой. Абсолютно неправомерно распространенное отношение к магии как к “одной из разновидностей” первобытных религиозных верований — наряду с тотемизмом, фетишизмом, анимизмом, идеей маны-оренды и т.д. В действительности все эти “разновидности” представляли собой, по крайней мере, на определенном этапе, единый синкретический комплекс, в котором магия выполняла важнейшую функцию: поддерживала и укрепляла связи человека и социума, приводила их в соответствие с природным миром и его биоритмами и тем самым ограничивала саморазвитие “второй природы” и защищала от порождаемых этим развитием вызовов и противоречий.

В этом качестве магия предстает одной из базовых, первичных био-социокультурных программ, которые, будучи структурами “большой длительности” (Ф. Бродель), навеки сохраняются в генетической и культурной памяти человечества. Магическое отношение к миру не может быть полностью вытеснено уже по той причине, что и человек, и общество не в состоянии преодолеть свои природные основания и изолироваться от своего природного окружения. Однако это не означает, что они сохраняются неизменными. Несмотря на поразительную жизнеспособность “магической программы” и не менее поразительную сохранность технических приемов, ее существование в рамках первобытного общества и в обществах цивилизации принципиально различно. В этом плане не-

⁶ Фрэйзер Дж. Золотая ветвь: исследование магии и религии. М., 1986. С. 20.

ОТКУДА И КУДА

обходимо разделять два наиболее крупных периода ее истории: начальный, архаический, когда магия существовала в рамках палеосинкретизма, и последующий, связанный с распадом палеосинкретизма и формированием новой социокультурной метасистемы — обществ цивилизации, т.е. уже в некотором роде на чужой территории.

Какие же изменения при этом происходили?

Во-первых, социокультурные функции магии постепенно утрачивались по мере того, как общество от адаптации к природной среде переходило к все более масштабному ее преобразованию и, соответственно, все больше вступало в противоречие с “магической стратегией” (переломным моментом в этом отношении была неолитическая революция). Но это был очень долгий процесс: магия “сдавала позиции” крайне медленно и в эпоху Древнего мира продолжала играть ведущую роль, хотя тогда уже активно развивалась оппозиционная магической цивилизационная стратегия и расхождение между ними неуклонно нарастало. Тем не менее, в целом магия вытеснялась на периферию социокультурной системы или маргинализировалась, уступая место своей превращенной, легализованной форме (скорее, своему аналогу), закрепившейся в рамках осевых религий. Ее ареал сужался до отдельных социальных групп, субкультур, индивидов, нередко она сопровождала мистическую компоненту религии. “Прорывы” магической стратегии обычно совпадали с эпохами кризисов, надломов в цивилизационном развитии, когда обнаруживалось, что отлаженные механизмы “второй природы” перестают функционировать должным образом.

Во-вторых, само магическое сознание не могло оставаться неизменным. Попытаемся объяснить, с чем связаны эти изменения, вернувшись к понятиям фрактала и хронотопа. Под фракталом, напомним, мы понимаем некую условно целостную матрицу, “гештальт” когерентных связей. Выделенная из фрактала, налицо актуализованная и тем самым попавшая в каузальное измерение ситуация есть хронотоп. Это фокус эмпирических пространственно-временных измерений и, следовательно, линейно-каузальных зависимостей, стянутых в точку “здесь — теперь — так”. Из этой точки начинается разворачиваться пространственно-процессуальные длительностей, организованных причинно-следственными отношениями.

Хронотоп возникает как результат вмешательства изначально слабой и едва отделяющейся от инстинкта воли антропоидов, которая из-за неадекватности инстинктивным и условно-рефлекторным программам выпадает из возможностей, “предусмотренных” во фрактале для “частных случаев”. Воление — воплощенная в действии или психической интенции самость — вклинивается в стандартные паттерны природных связей, порождая тем самым принципиально иное, надприродное поведение. И, разумеется, палеосознание, изначально глубочайшим образом погруженное в природную когерентность, прекрасно чувствовало и переживало эту инакость. Вот почему палеолитический человек так боялся что-то “неправильно” сказать или сделать (в первобытной культуре слово и действие — одно и то же).

Неправильность в данном случае заключается не в нарушении неких раз и навсегда установленных “правил” — хотя развитие системы табу утверждало именно такую установку, — а в “суеверном” (а на самом деле вполне рациональном и глубоко обоснованном!) страхе невольной задеть паутинку незримых когерентных связей и тем самым навлечь беду. По тому, насколько распространены такие суеверия (уже почти без вычек) в современную эпоху, можно судить, какова была сила страха перед произвольным вмешательством во фрактал в палеолите. Но вме-

шиваться волей-неволей приходилось, и тогда, отталкиваясь от магического опыта, начала развиваться система табу, а из-за утраты большинством членов сообщества должной меры “когерентной сенсетивности” в сообществе выделилась фигура колдуна (шамана) — специалиста, постигшего тайны когерентных связей и ведающего безопасные тропы во фрактале.

Можно сказать, что ранняя человеческая психика, испорченная “эволюционной болезнью” антропогенеза⁷, порываясь вернуться в мир природной когерентности, стала поневоле “вламываться” в нее, привнося туда свою “испорченность”. Прежде всего — волю. Постепенно утрачивая способность интуитивно “сканировать” характер и содержание когерентных связей, палеосознание все чаще вынуждено было заменять безошибочное животное предзнание протокаузальными когнитивными актами. Однако оно все время стремилось прорваться назад, в психическую матрицу когерентной взаимосвязи. Но теперь для этого приходилось пользоваться искусственными “инструментами” — разного рода подсказками, метками, закладками, ключами, памятками и т.п. магемами. Число их с течением времени умножалось, что делало вторичное погружение во фрактал все более затруднительным. Нужно было как-то закрепить, “узаконить” практику вторичного погружения во фрактал с помощью соответствующих когнитивных практик (почти неизменно связанных с ИСС) и инструментов-магем. Это было достигнуто институализацией “когерентного” сектора психики — в виде магической традиции, универсально присутствующей во всех культурах и никогда до конца не подавляемой цивилизацией с ее каузально-технологическими дискурсами и практиками.

* * *

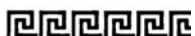
В раннем культуругенезе и в культурах, максимально преуспевших в его консервировании, основы причинно-следственного “дискурса” обнаруживают себя преимущественно еще на территории фрактала и лишь ситуационно в чем-то выходят за его пределы. Предсознание, погруженное в целостное экзистенциальное переживание актуальной ситуации/хронотопа, еще не нарушившего внутренней когерентной связи во фрактале, не знает различия между *должно* и *есть*, *до* и *после*. Они обратимы. И творимый руками артефакт⁸, и психический образ-подсказка — явления одного онтологического порядка, точки фокусировки всеобщей эмпатической связи, онтологические сгустки, узелки на нитях всеобщей взаимосвязанности.

Чем выше уровень вмешательства воли в структуру когерентных связей, тем больше “откорректированный” артефакт отличается от своего природного прафеномена. Чем сильнее выражены в магических практиках потребности человеческой самости (как коллективной, так и индивидуальной), тем сильнее работает “защитный механизм” (своего рода fool-proof) в виде вышеозначенной иллюзии обратимости связей. Именно этот “защитный механизм” ограничивает возможности магии, постепенно лишает ее доминирующей роли перед лицом развивающихся элементов цивилизационной стратегии и, в конечном счете, приводит к ее глубокой деградации.

Заблуждение коренится в том, что успешно осуществленный магический акт оказывается процессуально реализован в хронотопе, т.е. *здесь, теперь и так*. И в сознании, осваивающем причинно-следственные зависимости, рождается иллюзия, что условием успеха является точное воспроизведение всех параметров хронотопа: места, времени, поз, слов и набора магем-медиаторов. Ведь погруженная в паттерн пси-

⁷ Об “эволюционной болезни” и других системных проблемах раннего антропогенеза см.: Пелипенко А.А. Как мы эмигрировали из природы // Человек. 2008. № 2. С. 54–69.

⁸ См.: Пелипенко А.А. Каменная индустрия смыслов // Человек. 2008. № 5. С. 15–24.

хика не знает анизотропии (асимметрии) прямых и обратных связей, и осмысляемый опыт этого состояния свидетельствует, что некий набор действий *автоматически* обеспечивает ожидаемый магический результат. Ошибка здесь в том, что на самом деле запускающим ключом выступают не сами действия как таковые, а *включаемый с их помощью психический режим переживания партиципационного единства с адресатом магического, или, иными словами, ситуационного погружения во фрактал*. Следовательно, действия, т.е. операционная сторона ритуально-магических практик — это не содержание данных практик, а всего лишь внешний атрибут, с помощью которого осуществляется магическая медиация. И вот эти-то внешние атрибуты, ошибочно принимаемые за самую магическую суть, по мере развития каузальных мыслительных техник начинают вытеснять и подменять собой внутренний режим погружения во фрактал.

В конце концов магия, сущность которой состоит, прежде всего, в изменении психического режима при погружении в паттерн когерентных связей, стала все больше приобретать рецептурно-инструментальный характер: ее инструменты и атрибуты стали пониматься как самодостаточные и прагматически операбельные ключи-отмычки к достижению желаемого результата. А сам желаемый результат оказывался все более деструктивным по отношению к “естественной логике возможного” в паттерне.

Ведь древнейшая магия не терпит, да и просто не знает произвола и волюнтаризма вроде того, что присутствует в волшебных фантазиях фольклорного или квазифольклорного — на манер современных романов фэнтези — сознания. В первобытной магии волево начало, понимается, присутствовало, однако не доминировало. Об этом писал, в частности, известный этнограф А. Элкин: магический ритуал (например, размножения животных и растений) не является попыткой господствовать над природой, но представляет собой способ “содействия”, систему “кооперации” с ней, причем именно в те сезоны, когда происходит размножение, т.е. в соответствии с природным циклом. Выполняя магическое действие, “туземец осознает, что этим он активизирует силу, над которой он не имеет полной власти и которая существует независимо от него”⁹. Архаическая магия, в отличие от ее более поздних версий, нацелена по преимуществу на встраивание в природные процессы, она интуитивно осознает свою ограниченность природными законами, которые изменить не в силах. Ярким подтверждением этому можно считать магическое в своей основе китайское искусство фэн-шуй. Идея полного господства над природными силами или духами — результат влияния цивилизационной стратегии на магическую, парадоксальная попытка переподчинить себе базовую архаическую программу. И не случайно наиболее волюнтаристские представления о магии стали появляться в Западной Европе начиная с эпохи Возрождения, т.е. в период становления и расцвета “цивилизации личности”. Своего рода кульминацией этого процесса можно считать знаменитое изречение А. Кроули: “Магия есть Наука и Искусство вызывать изменения, совершающиеся в соответствии с желанием”. Любопытно, что Кроули сопоставлял магические действия с использованием тепловой энергии, электричества и машин, т.е. приравнивал магию к овладению природными силами¹⁰. Та же идея звучит и в большинстве научных определений магии (например, в Большом энциклопедическом словаре говорится, что это обряды, связанные с верой в сверхъестественную способность мага “воздействовать на людей и явления природы”).

Действенный магический акт отличается от деградировавших магических практик прежде всего тем, что он путем тончайшей психической

⁹ Магический кристалл: Магия глазами ученых и чародеев. М., 1992. С. 134, 167.

¹⁰ Кроули А. Магия и теория на практике. Кн. 1. М., 1998. С. 27, 32–33.

настройки, зависящей, кстати, и от множества внешних факторов, обеспечивает “подключение” к самому фракталу, а не к его семантически оформленному и застывшему в традиционализованной форме слепку. Отсутствие или сбой в каком-либо из элементов этой настройки делает входжение во фрактал невозможным. Вот почему бессмысленно применять к магическим практикам рационалистические критерии проверки, вроде многократного повторения положительного результата в идентичных условиях. Чтобы повторить успешный магический акт, мало просто воспроизвести внешний контекст его проведения на уровне рецептурно-инструментального или на уровне каузально организованной операбельности. Ведь это — лишь внешняя оболочка магического акта, которая ошибочно принимается за его суть. По той же причине магическая суггестивность и реальная действенность ритуала вырождается в застывшую и неуклонно пустеющую форму обряда, а современные колдуны и шаманы, приехав в другие страны, теряют свои магические способности, которые были с безусловной достоверностью зафиксированы у них на родине.

Кроме того, магия претерпевала значительные трансформации под воздействием религий спасения (в особенности это касается авраамических религий), выбирая присущий им этический дуализм, несвойственный первобытной магии, где одни и те же духи могли приносить вред или пользу в зависимости от обстоятельств.

И, наконец, еще одно важнейшее изменение связано с развитием оппозиции магия — культура, которая нашла свое наиболее яркое воплощение в “мифологии ведовства” в Западной Европе на заре Нового времени. Эпоху процессов над ведьмами можно рассматривать как борьбу с архаической магией (точнее, ее остатками), в которой одержала победу магия “официальная”, осовремененная, преобразованная христианством, поставленная на службу государству и регламентируемая им. Правда, противопоставление магии культуре началось задолго до появления христианства и других религий Осевого времени. Так, уже у наиболее архаических народов (охотников и собирателей) существовало разделение на магию “хорошую” и “плохую”, вредоносную, которая приписывалась “чужим” — всем, кто находится за пределами обитания данной социальной группы. Представление о черной магии соответствовало древнейшей оппозиции Мы — Они, Свои — Чужие, сливаясь с образом “иного”, враждебного окружающего мира, находящегося за пределами обжитого пространства. В эпоху неолита магия по-прежнему самым тесным образом связана со структурированием пространства, с космологическими представлениями, вписываясь в дихотомию “лес — деревня” или “необработанная земля — обработанная земля” (иногда выделялись три зоны: “деревня”, “лес” и “поля”, “искусственные насаждения”, представляющие собой своего рода буфер между двумя противоположностями).

В системе бинарных оппозиций ведовство, или черная магия, включается в семантический ряд, который соотносится с понятиями “дикая природа”, “хаос”¹¹. На этом этапе у раннеземледельческих народов формируется образ ведуна — носителя некой магической силы, передающейся по наследству, использование которой не требует ритуалов, снадобий и других приемов. Примечательно, что этот образ отсутствует у охотников и собирателей и едва намечен у скотоводов-кочевников. Он складывается из характеристик, однозначно относящих его к “иному” миру, к дикой природе, первозданному хаосу — всему, что противостоит культуре. Ведуны и ведовство противопоставляются магии, санкционированной коллективом. Жрецы, знахари, гадатели, которые укрепляют связь с первозданной природой во благо общества, переводя хаос в кос-

¹¹ Традиционные и синкретические религии Африки. М., 1986. С. 127–128.

мос, противопоставляются ведунам, которые не “обладают” такой целенаправленной перекодировкой и направляют “сырую”, некультивированную стихийную силу, руководствуясь исключительно своими желаниями и эмоциями.

В XVIII–первой половине XIX в. тенденция к маргинализации магии и противопоставлению ее цивилизации достигла апогея. Вместе с тем секуляризованное, сциентистское, рационализованное сознание западного человека практически перестало воспринимать докультурную, естественную основу магии, которую достаточно остро ощущал архаик. Низведенная на уровень предрассудка, магия не только утратила свою социокультурную значимость, но и перестала вызывать настоящий страх. Во второй половине XX в. маятник — на первый взгляд, неожиданно — качнулся в другую сторону. В действительности оснований для “магического ренессанса” достаточно много, начиная с кризиса логоцентрической парадигмы культуры и заканчивая сдвигами психофизиологических режимов, связанными с изменением межполушарного доминирования. Речь идет об, условно говоря, “правополушарном реванше” — глобальном переходе к доминированию несловесных правополушарных когнитивных технологий.

Какие формы и масштабы примет “магический ренессанс”, какое место займет он в социокультурной жизни постмодернити? Не рискуя вторгаться в область футурологии, все же попытаемся отразить сложившуюся ситуацию. В сложном, комплексном феномене магии можно выделить разные уровни, которые в разной степени подвержены изменениям и влияниям извне.

Наиболее мобильны ее культурно опосредованные пласты. Например, в магию проникают этические представления, однако их влияние может усиливаться, а может уменьшаться. Точно так же достаточно легко происходит изменение статуса магии в общественном сознании (еще лет 30–40 назад в прессе мы вряд ли встретили бы длинный перечень “магических услуг” рядом с “профессиональными” медицинскими услугами). Однако зависимость от культуры имеет и обратную сторону: именно эти пласты магии более всего подвержены эрозии и деформации.

Глубинные слои магии, где она выступает как базовая ментальная стратегия, неразрывно связанная со специфическим режимом работы сознания, и как базовая стратегия отношений человека с миром, — эти слои, разумеется, несравненно более устойчивы и изолированы от давления культуры и тех “конъюнктурных” колебаний, которые происходят в культурной жизни. Эти слои образуют антропологические и эволюционные универсалии, их можно подавить, но не уничтожить. Поэтому в современном массовом сознании магия не столько “возрождается”, сколько “припоминается”.

Сказанное вовсе не означает, что глубинные слои абсолютно неподвижны. Магическая ментальная стратегия сосуществует на протяжении многих тысячелетий и вступает в сложные отношения с логико-дискурсивным мышлением — стратегией, которая также представляет собой структуру “большой длительности”, ограничивает и подавляет магическую стратегию (в частности, за счет блокировки тех механизмов, которые способствуют переходу психики в “магический” режим функционирования). Поэтому на всех уровнях “магический ренессанс” будет иметь (и, в сущности, и сейчас имеет) синкретический характер, хотя содержание этого синкретизма еще не определилось.